

Г. Стадников

Забывтый перевод из «Книги песен»

Генриха Гейне

В русском литературном процессе XIX века «Книге песен» Генриха Гейне принадлежит особое место. Почти каждое её стихотворение помногу раз переводилось на русский язык. При этом было и так, что поэзия Гейне выступала в роли своеобразного вдохновителя: подлинник давал импульс для рождения совершенно оригинальной поэтической композиции. Таковы, к примеру, два перевода М. Лермонтова из «Книги песен»: «На севере диком...» из цикла «Лирическое интермеццо», №33 и «Они любили друг друга...» из цикла «Опять на родине», №33. Мотив несчастной, неразделенной любви, главный в этих шедеврах немецкого поэта, Лермонтов оставляет в тени, всемерно обнажив центральную тему своего творчества: тему одиночества, истолкованную как горький, трагический итог самого бытия.

Переводам Лермонтова из Гейне посвящена обширная литература. Но забытым остается другой, очень характерный пример подобного рода. Речь идет о первом русском переводе 87-й лирической миниатюры из цикла «Опять на родине». Перевод этот был напечатан в 1841 году в «Отечественных записках» (т. 19, от. 3, с. 308), но затем ни в одном из русских изданий Гейне не воспроизводился.

Автор перевода Василий Красов – поэт довольно известный в литературных кругах России 30 – 40-х годов XIX века. Стихи Красова публиковались на страницах многих русских журналов: «Телескоп», «Московский наблюдатель», «Библиотека для чтения», «Отечественные записки». Высоко ценил талант Красова В. Белинский, Н. Чернышевский называл Красова «едва ли не лучшим из наших второстепенных поэтов в эпоху деятельности Кольцова и Лермонтова». Тесная дружба связывала Красова с Николаем Станкевичем и членами его кружка. В мае 1834 г. Станкевич писал Я.М. Неверову: «Общество, с которым я беседую еще о старых

предметах, согревавших душу, ограничивается Красовым и Белинским, это люди способные вспыхнуть, прослезиться от всякой прекрасной мысли, от всякого благородного подвига»¹. Близко знаком был Красов с немецким ученым, поэтом и переводчиком Фридрихом Боденштедом. В начале 40-х годов Красов и Боденштед вели преподавание в доме князя М. Голицына. Впоследствии Боденштед писал: «Красов был прекрасный человек и его образ неизгладимо запечатлелся в моем воспоминании... С Красовым мы говорили всегда по-русски... Красов по своему происхождению, по своим симпатиям и по роду занятий глубоко коренился в русском, народном мире и представлял живой контраст с высшим русским обществом, болтавшим по-французски, его своеобразная речь и обращение внушили мне совершенно новый взгляд на русский народный дух и на его отличительные свойства»².

Личная судьба Красова была трагична. На недолгую жизнь поэта выпали нескончаемые материальные лишения, бездомность, тяжелая болезнь, безнадежное ожидание так и несбывшейся любви. Все это нашло прямое отражение в лирике поэта. Жанр элегии и в целом элегический тон определяют основную ноту его поэтического мира. Давний историк литературы Н.П. Дашкевич точно назвал лирику Красова «поэзией скорби и душевных страданий»³. В сравнительно небольшом по объему литературном наследии Красова насчитывается десять стихотворений, названных элегиями. Доминирующие в них мотивы: утраченные надежды, трагическое одиночество, безответная любовь, неустроенная горькая жизнь, лирический герой Красова хотел любить людей, но не нашел у них отклика. Характерная фраза обрамляет «Элегию», датированную 1834 годом: «Я скучен для людей, мне скучно между ними».

Особенно глубокий душевный кризис Красов переживал на рубеже 30-х – 40-х годов. К этому времени относятся два письма Красова к Белинскому. Об этих письмах, к сожалению утраченных, Белинский так писал Боткину в начале 1841 года: «Красов прислал мне два письма – две похоронные песни всех надежд жизни, прощание с способностью любить»⁴. Теперь в лирике Красова еще больше возрастают настроения тоски и скорби. И все отчетливее начинает звучать мотив: поэт устал от невзгод жизни, он желает покоя, и даровать его может только смерть. Выразить эту тему с особой полнотой Красову «помог» Гейне. Русский поэт обратился к «Книге песен», сосредоточив внимание на 87-й миниатюре из цикла «Опять на родине».

Стихотворение привлекло Красова, возможно, тем, что, прочитанное отдельно, вне контекста цикла, оно отличается некой смысловой неоднозначностью: говорится ли о покое земного сна, или о покое сна смерти.

Гораздо определеннее смысл этого стихотворения, прочитанного в единстве контекста цикла. Лирическая миниатюра входит в состав той группы стихов, которые повествуют о новой любви, о том, что образ возлюбленной неустанно преследует лирического героя и в мечтах, и в сновидениях.

Красов же как бы изъясил стихотворение Гейне из цикла. Он заметно усилил мотив, который может быть услышан в стихотворении, взятом отдельно, но отменяемый общим содержанием цикла. На стихотворение немецкого поэта Красов наложил свое мироощущение, создав, по существу, оригинальное произведение. Поясним это на примере конкретного анализа.

Стихотворение Гейне начинается строчками, в которых прохладе ночи-смерти противопоставлен зной дня, зной земных страстей.

Der Tod das ist die kühle Nacht...

Причем строка о смерти у Гейне первая, но и единственная – все остальные строки посвящены жизни.

У Красова, напротив, первая и единственная строка говорит о жизни. И ей, жизни, дана однозначная негативная оценка. «Жизнь – ненастный, мучительный день». Эта перестановка строк и не допускающая инотолкования характеристика жизни сразу же определяет совершенно иную тональность русского стихотворения.

Гейне вводит образ Смерти, чтобы резко оттенить день Жизни. Красову образ Жизни необходим, чтобы сказать о благости отдыха, даруемого смертью.

Отметим, что вслед за Красовым это стихотворение перевели еще 12 русских литераторов. Из них только двое, как и Красов, изменили, в сравнении с оригиналом, порядок строк, сказав сначала о жизни. Это А. Кульчицкий, который год спустя после Красова опубликовал свой перевод в «Отечественных записках» (1842, т. 22, №87, с. 32), и затем – значительно позже – Н. Полежаев. Но ни А. Кульчицкий, ни Н. Полежаев не сопроводили слово «жизнь» негативными определениями. У Кульчицкого: «Наша жизнь – жаркий день»; у Полежаева: «Жизнь – это жаркий, летний день».

...Но вернемся к переводу Красова. Итак, Жизнь у него противопоставлена Смерти. Причем Смерть – притягательнее Жизни. И поэтому истомленный мучительным днем жизни лирический герой отдает себя в объятия Смерти. Мысль эта передана в третьей строке: «Сон вежды смежил» (по пословице: «Сон – смерти брат»)⁵.

А о том, что возвращение к жизни уже невозможно, говорится в следующей, четвертой строке первой строфы: «Меня день истомил».

Красов употребляет не слово «утомил», которое указывает на временную усталость. А «истомил» – как знак полной исчерпанности сил, невозможности жить дальше (по Далю «истомить» – измучить, изнурить до изнеможения)⁶.

У Гейне 3-я и 4-я строки первой строфы продолжают не тему ночи, а тему дня, заданную во 2-й строке (Das Leben ist der schwüle Tag. Es dunkelt schon, mich schläfert. Der Tag mich müd gemacht.)

В дословном переводе: «Темнеет, я засыпаю, день утомил меня». К тому же о том, что это сон в жизни, Гейне подчеркнет первой строкой второй строфы: Über mein Bett erhebt sich ein Baum...

В дословном переводе: «Над моей кроватью склонилось дерево».

Данная строка у Красова иная: «Вот уж ива стоит надо мной». Первые два слова «вот уж» – намек на рубежность произошедшего: была мучительная жизнь, и вот наступил покой смерти. Слово кровать (Bett) в немецком оригинале, намекающее на земной сон, у Красова отсутствует. А вместо строки у Гейне «склонилось дерево» (erhebt sich ein Baum) у Красова «ива стоит надо мной». А ива именно то дерево, которое неразрывно связано с мотивами печали, смерти (ивушка плакучая).

И далее – рассказ о сне. Сон у Гейне продолжает тему дня:

Über mein Bett erhebt sich ein Baum, Drin singt die junge Nachtigal:
Sie singt von lauter Liebe, Ich hör es sogar im Traum.

В дословном переводе: «На дереве, склонившемся над кроватью, молодой соловей, он поет о чистой любви, я слышу это даже во сне». Заметим, что слово «даже» (sogar) у Гейне усиливает акцент на мотиве земного, т.е. «слышу даже во сне».

Вторая строфа стихотворения Красова говорит о том, что земная жизнь – это уже не мир лирического героя. Определенно это подчеркнуто словом «там»: «Там запел соловей». И поет соловей только о своей любви, ибо лирическому герою земная любовь уже недоступна. Да и песню соловья он уже не слышит, а лишь внимает ей во сне – смерти.

Итак, в кратком изложении смысл стихотворения Гейне, прочитанного в системе цикла, таков: знойный день земных страстей противостоит прохладному покою ночи. Страсти утомляют, но отдыха от них нет. И даже во сне, в песне соловья слышится герою неумолкаемый зов неутоленной любви. Заметим, что эта лирическая миниатюра перекликается с предшествующей ей 49-й, в которой поэт рассказывает о том, что ему во сне видится образ влюбленной, и пробуждение утром не может развеять волшебство этого сна.

У Красова тема несчастной любви заменяется темой трагического бытия. Смысл «перевода» Красова таков: Жизнь мучительна, и успокоителен лишь сон смерти. И вот уже ива склонилась над усопшим. И

все теперь осталось в другой жизни, там, где неутомимый соловей поет о своей любви⁷.

«Перевод» Красова далек от оригинала. Но Красов и не стремился верно передать смысл подлинника. Следуя школе В.З. Жуковского, Красов подтвердил своим творческим опытом, что «переводчик-стихотворец есть в некотором смысле сам творец оригинальный», «творец выражения».

Перевод из Гейне стал одной из самых совершенных лирических миниатюр Красова, в которой с такой эмоциональной силой было передано трагическое мироощущение усталой, истрадавшей души русского поэта.

---

¹ *Переписка* Николая Владимировича Станкевича. 1830 – 1840. М., 1914. С. 283.

² *Воспоминания* Фридриха Боденштеда о пребывании в России в 1841–1845 гг. // Русская старина. СПб., 1891. Т. 72. С. 429, 425.

³ *Дашкевич В.И.* В.И. Красов, полузабытый лирик и словесник 30-х и 40-х годов // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Пг., 1914. Т. 92. С. 623 – 654.

⁴ *Белинский В.Г.* Письмо к В.П. Боткину. 30 дек. 1840 г. – 22 янв. 1841 г. Петербург // Белинский В.Г. Соб. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 442.

⁵ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 4. С. 387.

⁶ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 2. С. 143.

⁷ Приводим поэтическую миниатюру В. Красова «Из Гейне»:

Жизнь – ненастный, мучительный день.
Смерть – ночная прохладная тень.
Уже смерклось. Сон вежды смежил,
Я устал: меня день истомил.
Вот уж ива стоит надо мной...
Там запел соловей молодой, –
Звонко пел про любовь свою он.
Его песням я внемлю сквозь сон.

